

Йозеф Рот

Путешествие в Россию

Москва - Москва / Казань / Ад Маргинем Пресс, libra — Смена

Йозеф Рот

Путешествие в Россию

«Ад Маргинем Пресс»

1927

УДК 94(47+57)»19»
ББК 63.3(2)61

Рот Й.

Путешествие в Россию / Й. Рот — «Ад Маргинем Пресс», 1927

ISBN 978-5-91103-732-1

В 1926 году газета *Frankfurter Zeitung* предложила известному австрийскому писателю и журналисту отправиться в советскую Россию. Рот отправился в путешествие в июле 1926 года. Его первые репортажи полны живых впечатлений и написаны по следам его перемещений, однако скоро он обращается к волнующим его темам, раскрывая их на советском материале. Эта книга была переведена на Первой Волжской переводческой резиденции, проведенной Центром современной культуры «Смена» и Домом творчества Переделкино. Переводчики из Казани, Волгограда, Астрахани, Минска, Москвы и Петербурга переводили очерки Йозефа Рота летом 2023 года в Национальной библиотеке Республики Татарстан и на острове-граде Свияжск. Издательства выражают благодарность Музею-заповеднику «Остров-град Свияжск» за помощь в организации переводческой резиденции и за предоставленные изображения из фондов. Текст проиллюстрирован фотографиями из книги «1914–1930. Seize annees d’histoire en 700 photographies» («1914–1930. Шестнадцать лет истории в 700 фотографиях»), выпущенной издательством Ernest Flammarion editeur в Париже в 1931 году и журналов «Огонёк», выходивших в 1926 году. Книга выпущена при поддержке Фонда «Живой город» и Министерства культуры Республики Татарстан. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94(47+57)»19»

ББК 63.3(2)61

ISBN 978-5-91103-732-1

© Рот Й., 1927

© Ад Маргинем Пресс, 1927

Содержание

От редактора	7
I	9
II	11
III	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Йозеф Рот

Путешествие в Россию

© С. Тахтарова, Т. Заглядкина, И. Рахимбердиева, П. Ахметзянова, А. Зарипова, М. Сунцова, Н. Печунов, И. Бурак, И. Алексеева, перевод, 2023.

© Музей-заповедник «Остров-град Свияжск», изображения, 2023.

© Анна Наумова, Кирилл Благодатских, дизайн, 2023.

От редактора

На момент путешествия Рота в советскую Россию в 1926 году карьера Йозефа Рота-фельетониста, как и его отношения с газетой *Frankfurter Zeitung*, переживала кризис. Газету не устраивал стиль Рота, значительная часть его репортажей, например, из Франции, где Рот, почти всю жизнь проживший в отелях, обрел новый дом, была забракована. Незадолго до этого Рот также был лишен статуса специального корреспондента газеты за рубежом. Он подозревал, что виной тому интриги, его политические убеждения и независимость, хотя на самом деле газета боролась за выживание, сокращая расходы – издательская индустрия переживала не лучшие времена. Нельзя не отметить, что Рот оставался одним из самых высокооплачиваемых журналистов своего времени, он получал ежемесячный гонорар в 1 000 марок, тогда как выпуск *Frankfurter Zeitung* стоил 10–20 пфеннигов. Рот впал в глубокий пессимизм, сомневаясь в спасительной роли культуры в целом. Однако он продолжал писать для *Frankfurter Zeitung*, пусть и стал осторожнее в выборе тем, уделяя основное внимание событиям светской жизни.

В качестве компромисса газета предложила Роту отправиться в путешествие, ему были предложены на выбор Италия, Испания и Россия. Убежденный либерал, Рот попросту не мог отправиться в фашистскую Италию (он всё же совершит поездку в 1928 году), в Испании для него не было интересных тем, а вот командировка в Россию во всех смыслах послужила для Рота спасением – практически все его заметки были приняты к публикации, он нашел новый материал для пера. К тому же его не оставляла ревность к уже посетившим советское государство коллегам Эрнсту Толлеру и Эгону Эрвину Кишу. (Из письма Бернарду фон Brentano¹ от 26 сентября 1926 года: «Всё, что рассказывали о России Толлер и Киш – ложь».)

Рот отправился в Россию в июле 1926 года. Его приезд был освещен рядом советских газет. В дневнике Рот описывает ход работы над репортажами: первые полны живых впечатлений и написаны по следам его перемещений, однако скоро он обращается к волнующим его прежде темам, раскрывая их на советском материале. В России Рот продолжает работу над романами, необходимость записывать материал для фельетонов очень скоро начинает его тяготить, к тому же Рот осознает, что на книгу о Советской России материала не набирается. Корреспондент был отозван в конце ноября, и то лишь потому, что не согласовал продление своего путешествия с газетой. К тому же газета постоянно нуждалась в свежих темах, уже в мае Роту предстояло отправиться в Албанию. Из переписки Рота с редакцией мы можем сделать вывод о скорости его работы и объяснить зазор между датой его прибытия в Россию и публикацией первого репортажа. Так, он пишет, что четырех недель в Албании ему будет мало, за четыре недели он может собрать материал для одного репортажа. Чтобы оценить важность репортажей Рота из России, достаточно упомянуть, что многие его фельетоны из Албании опубликованы не были.

Первый очерк Рота из советской России появился во *Frankfurter Zeitung* 14 сентября. Заметки выходили почти всегда раз в неделю, при этом некоторые были перепечатаны в *Prager Tagblatt*. Первые очерки Рот отправил в газету с письмом Бенно Райфенбергу² от 30 августа

¹ Бернард фон Brentano (Bernard von Brentano, 1901–1964) – писатель, поэт, драматург и публицист. Изучал философию. Юношеское произведение Б. «Деньги» было переложено в 1924 году для сцены Петером Зуркампом. Вероятно, именно Зуркамп свел Б. с Брехтом, они планировали издавать литературный журнал. С 1925 по 1930 год был сотрудником раздела фельетонов *Frankfurter Zeitung*. Был близким другом и учеником Рота. Дважды посещал Москву (в 1930 и 1932 годы), после чего отошел от марксизма и порвал с Коммунистической партией Германии. Книги Б. были запрещены в нацистской Германии, в 1933 году он эмигрировал в Швейцарию. Однако вскоре подал прошение о разрешении вернуться. Прошение было одобрено, однако Имперская палата культуры не сняла для Б. запрет на литературную деятельность. Б. неоднократно высказывал анти-семитские тенденции, пытаясь следовать господствующим политическим веяниям. Б. вернулся на родину лишь в 1949 году, его автобиография 1952 года носит название «Страна любви».

² Бенно Райфенберг (Benno Carl Reifenberg, 1892–1970) – журналист, критик, писатель и публицист. Один из редакторов

1926 года: «До сих пор я ничего не мог написать. Я был ошеломлен, голоден, я смотрел вперед. Это длилось два месяца. Окажись я на другой планете, и то впечатления были бы не такими чуждыми и странными». Позволим себе, впрочем, процитировать это примечательное письмо еще немного: «Денег у меня нет. В день я трачу 42 марки ровно³, и это не считая денег на транспортные расходы и невероятных сумм на чаевые, которые здесь ожидают от всякого иностранца. Питаюсь я черным хлебом и луком и 3–4 дня в неделю живу крестьянином <...> Восемь дней я шел пешком по чувашским болотам. Я был в Минске и Белоруссии. Теперь еду в Баку, Тифлис, Одессу, по всей Украине <...> Я ничего не посетил по официальной линии, хотя большинство дверей для меня открыты».

Заметки «Русский театр» и «Боженька в России» были опубликованы 5.2.1927 и 20.2.1927 соответственно, но традиционно не включаются в корпус текстов «Путешествия в Россию», так как были написаны уже по возвращении Рота. Также не принято включать в публикации серии очерков заметку «Священный петролеум», написанную в октябре 1926 года (примерную дату можно установить по письму Рота Райфенбергу, в котором он сообщает, что потерял беловую рукопись заметки), но отклоненную газетой. Текст о московском еврейском театре явно написан по следам поездки Рота в Россию, но опубликован в проспекте театра (наряду с текстом Толлера), напечатанном в издательстве *Die Schmiede* в 1928 году. Доклад при жизни Рота опубликован (и прочитан?) не был. Неизвестно также, по какому поводу он был написан.

Литература:

Roth J. Briefe 1911–1939. Köln; Berlin: Kiepenheuer amp; Witsch, 1970.

Roth J. Der neue Tag. Unbekannte politische Arbeiten, 1919 bis 1927: Wien, Berlin, Moskau. Köln; Berlin: Kiepenheuer amp; Witsch, 1970.

Roth J. Werke 2. Das journalistische Werk 1924–1928. Köln: Kiepenheuer amp; Witsch, 1991.

Westermann K. Joseph Roth, Journalist. Eine Karriere 1915–1939. Bonn: Bouvier, 1987.

Эта книга была переведена на Первой Волжской переводческой резиденции, проведенной Центром современной культуры «Смена» и Домом творчества Переделкино. Переводчики из Казани, Волгограда, Астрахани, Минска, Москвы и Петербурга переводили очерки Йозефа Рота летом 2023 года в Национальной библиотеке Республики Татарстан и на острове-граде Свияжск.

Йозеф Рот
Путешествие в Россию

Frankfurter Zeitung, с 1924 по 1930 год заведовал разделом фельетонов, с 1932 года и до закрытия газеты Министерством пропаганды в 1943 году редактировал раздел политики. С 1945 по 1958 год издавал журнал *Die Gegenwart*. Принимал активное участие в возрождении газеты и был одним из издателей *Frankfurter Allgemeine Zeitung* до 1959 года.

³ В том числе на номер в самой дорогой гостинице города – Большой Московской.

I

Эмигранты из царской России (Перевод Светланы Тахтаровой)

Frankfurter Zeitung, 14.9.1926

Задолго до того, как кому-то пришло в голову посетить новую Россию, к нам пришла старая. Эмигранты несли с собой дикий запах родины, одиночества, крови, нищеты, необычной судьбы, достойной пера писателя. Всё это соответствовало европейским клише о русских, изгоях, отлученных от теплых очагов; они бесцельно скитаются по миру, сбившись с пути, они нарушают установленные законом границы, оправдывая это «загадочной русской душой». Европа знала казаков по водевилям, русские крестьянские свадьбы – по оперным постановкам, а еще русских певцов и балалайки. Она так и не узнала (даже когда Россия пришла к нам), насколько французские романисты – самые консервативные в мире – и сентиментальные читатели Достоевского переврали русского человека, превратив его в китчевый образ, объединивший в себе благочестие и варварство, алкоголь и философию. Самоварную атмосферу и азиатчину. А во что превратилась у них русская женщина! В некое человекоподобное животное, наделенное верностью и при этом неудержимой страстью к обману, в расточительницу и бунтарку, писательницу и бомбистку. Чем дольше длилась эмиграция, тем больше соответствовали русские тому представлению, которое о них сложилось. Они были так любезны, что всё сильнее ассимилировались с нашими представлениями о них. Возможно, осознание этой «особой роли» в какой-то мере облегчало их страдания. Им было легче, когда их воспринимали как литературный образ. Русский князь, ставший шофером парижского такси, словно сошел со страниц книги. Судьба его, может быть, и ужасна. Но вполне сгодится для романа.

Частная жизнь эмигрантов становилась достоянием общественности. Они сами выставляли себя на всеобщее обозрение. Сотни людей создавали театры, певческие хоры, танцевальные группы, оркестры балалаечников. Два года все они были в новинку и поражали колоритом. А потом приелись и уже навевали скуку. Они всё больше теряли связь с родной землей. Всё больше отдалялись от России, а Россия – еще больше от них. Европа уже знала Мейерхольда – а они всё еще цеплялись за Станиславского. «Синие птицы» запели по-немецки, по-французски, по-английски. В конце концов они улетели в Америку и растеряли там свое оперение.

Эмигранты считали себя единственными представителями всего исконно русского. Всё, что появилось и стало значимым в России после революции, они клеймили «нерусским», «еврейским», «интернациональным». Европа давно уже привыкла видеть представителя России в Ленине. А эмигранты всё еще цеплялись за Николая II. Они с трогательной верностью цеплялись за прошлое, но шли наперекор истории. И сами свели на нет трагичность ситуации.

Увы и ах! Надо было как-то жить. И вот они скачут по парижским ипподромам, родным казачьим галопом на лошадях чужих кровей, цепляют на себя кривые турецкие сабли, купленные на блошином рынке в Клиньянкюре, выгуливают на Монмартре пустые патронташи и тупые кинжалы, водружают на головы большие медвежьи шапки из натуральных кошачьих шкур и с грозным видом казаков из донских степей стоят перед вращающимися дверями заведений, даже если сами родом с Волыни. Некоторые, благодаря паспортам щедрого Нансена⁴,

⁴ После назначения Нансена верховным комиссаром Лиги наций по делам русских беженцев в 1921 году он предложил создать «паспорт вынужденного беженца». Паспорта Нансена спасли жизнь множеству эмигрантов, не только русских, но и бежавших от турецкого геноцида армян. Временный паспорт позволял подавать прошения в государственные органы, претендовать на вид на жительство и разрешение на работу. Паспорта выдавались с 1922 по 1951 год, всего было выдано около 600 000 документов, по паспорту Нансена жили за границей, например, генерал Деникин, Анна Павлова, Сергей Рахманинов,

и вовсе произвели себя в великие князья. Да это было, по сути, и не важно. Все они могли с одинаковым мастерством набренчать на балалайке нечто тоскливое и заунывное и, натянув красные сафьяновые сапоги с серебряными шпорами, в глубоком приседе крутиться в танце на одном каблуке. Видел я одну такую княгиню на сцене парижского варьете. Она изображала сияющую от счастья невесту, «блюстители порядка» с рю Пигаль⁵, ряженные боярами, стояли живым коридором, на заднем плане светился картонный собор, из него вышел поп с бородой из ваты, стеклянные самоцветы сверкали в лучах русского солнца, струившихся из прожектора, а приглушенные скрипки оркестрика по капле вливали в сердца зрителей песню о Волге. Другие княгини служили официантками в русских кабаках, на фартуках – блокноты для записи заказов на цепочках из тульского серебра, гордо вскинутые головы, непоколебимый образчик эмигрантской трагедии.

Иные, сломленные, молча сидели на скамейках Тюильри, Люксембургского сада, венского Пратера, берлинского Тиргартена, на берегах Дуная в Будапеште и в кофейнях Константинополя. Где бы ни находились, они поддерживали связь с реакционерами. Они сидели и оплакивали погибших сыновей и дочерей, пропавших жен, подаренные Александром III золотые часы... Многие покинули Россию, будучи не в силах видеть «страдания своей страны». Я знаю русских евреев, чью собственность всего несколько лет назад «экспроприировали» Деникин и Петлюра, но сегодня они больше всего на свете ненавидят Троцкого, который им ничего не сделал. Они мечтают вернуть фальшивые свидетельства о крещении, с которыми они, пусть покорные и униженные, но могли, вопреки запрету, проживать в крупных русских городах.

В маленьком парижском отеле в латинском квартале, где я жил, остановился известный русский князь с отцом, женой, детьми и «бонной». Старый князь был истинным аристократом. Он варил на спиртовке суп, и, хотя я знал его как яркого антисемита и знатока в вопросах сельского хозяйства, этими промозглыми осенними вечерами он казался мне трогательным, он пробивался сквозь них дрожа, неким символом, не человеком, а листом, сорванным с Древа жизни... Но его сын, воспитанный на чужбине, элегантно одетый парижскими портными, доставшимися от более богатых великих князей, – насколько другим был он! В телефонной комнате он совещался с бывшими лейб-гвардейцами, посылал поздравления ко дню рождения фальшивым и настоящим Романовым, а дамам в отеле оставлял в ящичках для ключей любовные записки на розовой бумаге. В автомобиле спешил на собрания, организуемые царской семьей, и жил во Франции как некий эмигрантский божок. К нему приходили предсказатели, попы, гадалки, теософы, все, кто знал о будущем России, возвращении Екатерины Великой и троек, медвежьих охот и каторги, Распутина и крепостного права...

Все они потеряли самих себя. Потеряли русскость и аристократизм. И поскольку они были ничем иным, как аристократами и русскими, они потеряли всё. Они опустили из-за собственного трагизма. Великая трагедия потеряла своих героев. История неумолимо шла своим железным и кровавым путем. Наши глаза устали смотреть на страдание, которое само себя обесценило. Мы стояли перед останками, которые не осознавали собственной катастрофы, мы знали о них больше, чем они могли нам рассказать, и, идя в ногу со временем, мы прошли мимо потерявшихся и пошли дальше, как бы это ни было жестоко и в то же время печально.

Владимир Набоков. – *Здесь и далее прим. ред.*

⁵ Квартал красных фонарей в Париже. Именно здесь находится знаменитое кабаре «Мулен Руж».

II

Граница у Негорелого⁶ (Перевод Светланы Тахтаровой)

Frankfurter Zeitung, 21.9.1926

Пограничная станция Негорелое – это большое деревянное здание коричневого цвета. Входим. Добрые носильщики вытаскивают из поезда наши чемоданы. Ночь непроглядно темна, холодно, и идет дождь. Поэтому носильщики кажутся нам такими добрыми. Сильные, в белых фартуках, они помогают нам, чужеземцам, на границе. Уполномоченный забрал у меня паспорт еще в поезде, лишив меня личности. Так я, уже не будучи самим собой, пересек границу. Меня можно было бы спутать с любым другим путешественником. Но позже выяснилось, что российские таможенники меня ни с кем не перепутали. Более умные, чем их коллеги в других странах, они знают цель моего путешествия. В коричневом деревянном зале нас уже ждут. На потолке зажглись желтым теплым светом электрические лампочки. На столе, за которым сидит начальник таможенного управления, словно улыбаясь круглой горелкой, сияет керосиновая лампа, дружеский привет из былых времен. Часы на стене показывают восточноевропейское время. Путешественники, вынужденные ему следовать, переводят часы вперед. Значит, уже не десять, а одиннадцать. В двенадцать мы отправимся дальше.

Нас мало, а чемоданов много. Большинство принадлежит одному дипломату. По закону их нельзя досматривать. В том виде, в каком были упакованы, они должны прибыть нетронутыми в пункт назначения. Они содержат так называемые государственные секреты. По этой причине их тщательно заносят в списки. Это занимает много времени. Прилежные таможенники занимаются дипломатом. А восточноевропейское время идет.

Снаружи, во влажной черноте ночи, показался русский поезд. Русский паровоз не свистит, а воеет, как корабельная сирена, протяжно, безмятежно, как океанский лайнер. Смотришь через окно во влажную ночь, слышишь паровоз, и кажется, что ты на берегу моря. В зале становится почти уютно. Чемоданы начинают сами собой раздвигаться, раскрываться, словно им жарко. Деревянные игрушки, змеи, цыплята и лошадки-качалки вылезают из толстого чемодана тегеранского торговца. Маленькие Ваньки-встаньки тихо раскачиваются на утяжеленных свинцом животах. Их яркие забавные лица, то ярко освещенные керосиновой лампой, то затемненные тенями мелькающих перед ними рук, оживают, меняют свое выражение, ухмыляются, смеются и плачут. Игрушки взбираются на весы, взвешиваются, скатываются обратно на стол и заворачиваются в шелестящую папиросную бумагу. Из чемодана молодой, красивой и немного отчаявшейся женщины выглядывает переливающийся, тонкий, разноцветный шелк, полосы разрезанной радуги. Затем следует шерсть, которая раздувается, размеренно дыша после долгих дней безвоздушного, спрессованного существования. Узкие серые полуботинки с серебряными застежками сбрасывают газетную бумагу, которая должна была их скрыть, четвертую страницу *Le Matin*. Перчатки с вышитыми манжетами выбираются из картонного гробика. Белье, носовые платки, вечерние платья, настолько большие, что в них можно облачить разве что руку таможенника, прячут в воздухе. Вся эта игривая атрибутика богатого мира, все эти изящные, полированные вещицы чужды и трижды бесполезны в этом суровом, коричневом, ночном зале, под тяжелыми дубовыми балками, под строгими плакатами с угловатыми буквами, похожими на заточенные топоры, в аромате смолы, кожи и керосина. А вот плоские и

⁶ В настоящее время на территории Белоруссии. С 1921 по 1939 год советская пограничная станция. Сохранился дом офицерского состава погранзаставы, а вот деревянное здание вокзала было разрушено в ходе нацистской оккупации.

пузатые хрустальные флаконы с сапфирово-зеленой и янтарно-желтой жидкостью, кожаные маникюрные чехлы распахиваются, как святые храмы, маленькие женские туфельки постукивают по столу.

Никогда прежде я не видел такого пристального досмотра, даже в первые годы после войны, в период настоящего разгула таможенников. Кажется, что здесь не обычная граница между странами, – это граница между мирами. Пролетарский таможенник, самый искушенный в мире – сколько раз ему самому приходилось прятаться и убегать! – досматривает граждан, пусть и нейтральных и даже дружественных государств, но всё же людей враждебного класса. Это эмиссары капитала, торговцы и специалисты. Они прибывают в Россию, приглашенные государством, которым верховодит пролетариат. Таможенник знает, что эти торговцы посеют в магазинах счета, и в витринах вырастет урожай чудесные, дорогие, недоступные пролетариату товары. Он изучает сначала лица, а затем чемоданы. Оpoznает возвращенцев, у которых теперь новые польские, сербские, персидские паспорта.

Поздно, уже ночью, путешественники стоят в проходе вагона и не могут преодолеть боль от таможни. Они рассказывают друг другу обо всем, что привезли, за что заплатили пошлину и что провезли контрабандой. Пищи для разговоров хватит на долгие русские зимние вечера. Да и внукам доведется послушать.

Внуки услышат всё это, и перед ними предстанет странный, искаженный облик того времени, времени на его собственной границе, времени с его беспомощными детьми, красными таможенниками, белыми путешественниками, фальшивыми персами, красноармейцами в длинных песочно-желтых шинелях, подол которых касается земли, промозглой ночью у Негорелого, с громким хрипом нагруженных носильщиков.

Несомненно, эта граница имеет историческое значение. Я чувствую его, когда гудок паровоза протяжно и хрипло взывает, и мы уплываем в темную, далекую, тихую страну.

III

Призраки в Москве

(Перевод Татьяны Загладкиной)

Frankfurter Zeitung, 28.9.1926

Кто смотрит на меня с многочисленных киноафиш? – «Махараджа»⁷. В центре Москвы! Гуннар Толнес⁸, немой тенор с далекого норвежского севера, победоносно шествует сквозь пушечный гром, кровь, революцию, неуязвимый, как и положено настоящему призраку. В его свите – старейшие кинодрамы Европы и Америки. Кинотеатры переполнены. Не для того ли я ехал сюда, чтобы скрыться от махараджей и им подобных? Русские отправляют к нам «Потёмкина», а у себя хотят видеть Гуннара? Какой странный обмен! Выходит, мы революционеры, а они буржуи? Мир сошел с ума!.. «Махараджа» в центре Москвы...

В витринах немногочисленных магазинов женской одежды висят старомодные наряды, длинные, широкие, словно колокола. Даже у модисток – сплошь шляпки древнейших фасонов. У женщин – не лучше. Широкополые шляпы с перьями цапли, наполеоновские треуголки, колпаки с вуалью, длинные волосы и длинные платья по щиколотку. Всё это – не только следствие крайней нужды, но и отчасти проявление консерватизма. В руках – кружевной зонтик...

Я отправился на «Махараджу» посмотреть, кто еще решил к нему заглянуть. Все те же колпаки, вуали, корсеты и зонтики.

Старая, побитая буржуазия. Видно, что она не пережила революцию, она ее переждала. За последние несколько лет ее вкусы не изменились. Она не прошла путь европейских и американских высших и средних слоев общества, путь от «Сна в летнюю ночь» до негритянского ревю, от военных наград до дней памяти, от поклонения героям до поклонения боксерам, от балетного корпуса до женского батальона и от военных облигаций до могилы Неизвестного солдата. Старая русская буржуазия осталась в 1917 году. Она хочет видеть в кино нравы, обычаи, судьбы, предметы мебели своих современников: офицеров, которые не служат в Красной армии, а обретаются в шикарных казино; любовные страсти, которые приводят к мальчишнику, а не к торжественному советскому бракосочетанию с записью в книге актов гражданского состояния; дуэли между людьми чести; стол в мансарде; буфеты с фарфоровыми безделушками и романтическую эротику. Человек хочет снова увидеть мир, в котором жил – пусть не идеальный, сегодня он кажется райским. Вот почему билеты на старые фильмы распроданы. В Париже такие кинодрамы уже идут под глумливым названием «За 20 минут до войны»⁹. Французский буржуа смеется над кадрами, которые у его русского брата по классу вызывают серьезное волнение.

Я говорю о старом русском буржуа. Ибо новый уже растет, появляется в разгар революции, оставленный ею в живых. Ему разрешено вести дела по ее милости, и он умеет обходить ее ограничения. Сильный, живой, сделанный совсем из другой материи, чем его предшественник, наполовину разбойник, наполовину купец, он с некоторым вызовом носит имя «нэпман», которое уничижительно звучит внутри страны и за ее пределами. Он лишен сентименталь-

⁷ В 1925 году на экраны вышла четвертая часть датского немого фильма «Возлюбленная махараджи» («Maharadjahens yndlingshustru»).

⁸ Гуннар Толнес (Gunnar Tolnæs, 1879–1940) – популярный норвежский кино- и театральный актер, певец. Получил юридическое и медицинское образование. Исполнял характерные роли изысканных и загадочных джентльменов. Кинокарьера Т. завершилась с приходом звукового кино, во многом из-за его сильного норвежского акцента. Он сконцентрировался на театре, много играл в пьесах по Ибсену, но выступал и в оперетте.

⁹ Отсылка к одноименному фельетону Рота (Frankfurter Zeitung, 11 июня 1926 года).

ности, его не сковывают ни мировоззрение, ни вещи, ни мода, ни искусство, ни мораль. Он резко отличается и от старого буржуа, и от пролетариата. Лишь через несколько десятилетий он обретет собственную форму, традиции и собственную общепринятую ложь – если останется в живых... Так что я говорю не о нем, а о старом буржуа и о старом «интеллигенте». В нем уже нет жизненной силы. Его честный, мелкий, религиозный идеализм, его добросердечный, но ограниченный либерализм подавлен великим пожаром революции – как свеча в горящем доме. Он служит советскому государству. Он живет на мизерную зарплату, но ведет прежний образ жизни, пусть и с меньшим размахом. У него сохранились несколько уродливых сувениров из Карлсбада, семейный альбом, энциклопедия, самовар и книги в кожаных переплетках. Тихими вечерами его жена играет на пианинах. Смыслом его существования было принести пользу обществу и вывести в люди сына. Внешними проявлениями успеха были для него скромные награды, неспешное продвижение по службе и регулярная прибавка к жалованию, тихие семейные праздники и надежный зять.

Но всё это в прошлом. Съезжая к мужчине, его дочь уже не спрашивает разрешения. А с сыном он уже не может поделиться своими «жизненными принципами». Сын лучше разбирается в жизни современной России и ведет по ней отца, как слепого. Отца похоронят без почестей и титулов. (Смерть тоже утратила торжественность.) Пусть сегодня он верой и правдой служит новому хозяину, являя собой образец добродетельного гражданина. Возможно, он даже доволен этим миром и принимает его. И всё же, всё же в этом мире он чужой. Он не стремился к нему, не боролся за него, но тем не менее оказался в нем, и это ставит его вне границ этого мира. Он никогда не сможет постичь кровожадную решительность, с которой воин этот мир. Его развитое чувство справедливости не может примириться с несовершенством новых порядков. Он видит недостатки нового мира гораздо острее, и он более критичен к ним, чем когда-то к недостаткам старого. С ними он тоже боролся. В конце концов, он был ребенком того мира, даже если тихо возмущался. (Вслух он никогда этого не делал.) Либеральная буржуазия, которая в 1905-м сочувствовала мятежному «Потёмкину», салютовала красному знамени восставших в Одессе и в конце концов была расстреляна казаками, не желает видеть «Потёмкина» на экране.

Дурной вкус довоенных буржуа; наивный экстаз довоенной юности; узколобое рвение, подобное тупой стреле, лишь скользящей по поверхности; сознательное отмежевание от всего, что в 90-е годы ошибочно называли «роскошным» и «бесполезным»; добровольный отказ от духовной избалованности и метафизического изящества; упрямое смещение важной и мощной, хотя и не сиюминутной политики с аполитичной красотой и мещанской игривостью – всё это лишь призраки революционеров. Всё это родом из просвещенного либерализма мелкой французской буржуазии. Это здоровые, краснощекие, крепкие призраки сегодняшнего дня. В них слишком много плоти и крови, чтобы они были живыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.